

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

С. А. Никольский

<https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Иван Бунин: вглядываясь в лица (Россия накануне и после Октября)

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Никольский С. А. Россия накануне и после Октября. Статья первая. Иван Бунин: вглядываясь в лица // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 182–188.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-182-188

Цель статьи – попытка исследования того, как видел русского человека и саму Россию накануне и после Октября писатель-философ Иван Алексеевич Бунин. Для этого анализируются важные черты, характерные для ряда произведений художественной философии Бунина, сосредоточенные в публицистических очерках «Окаянные дни», повести «Деревня» и автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева». В статье присущий Бунину способ анализа сравнивается со способами анализа его современников – А. П. Чехова, А. М. Горького и А. П. Платонова: с бунинским анализом – манерой видения конкретного человека сопоставляется чеховская манера *благорасположенного печального наблюдателя, уверенного в неотвратимой неизменности происходящего*, горьковское *участливое сопереживание к гонимым, соединенное с неприкрытой ненавистью к гонителям*, а также ряд писательских средств, характерных для платоновской *реалистической фантасмагории*. Показано, что бунинская манера философско-художественного размышления, все еще слабо изученная, позволяет размышляющему читателю не только увидеть обычно скрытые за внешними действиями характерные человеческие особенности, но и с их помощью воспринять отражающиеся в них писательские оценки и глубинные философские смыслы.

Особая писательская манера Бунина – не только продукт литературной методологии. Она – материализованный в философско-художественных произведениях уникальный способ восприятия и анализа окружающего мира, характерный для редкого в отечественной литературе и исчезнувшего после Октября социального типа художника-аристократа, превыше всего ценившего честь и благородство.

Ключевые слова: Россия, Человек, Октябрь, философия, литература, история, культура.

CULTURAL SCIENCE

S. A. Nikolsky

Ivan Bunin: peering into faces (Russia the day before and after October)

The purpose of the article is an attempt to study how the writer-philosopher Ivan Bunin saw the Russian person and Russia itself on the eve and after October, 1917. For this purpose, the author analyzed important features characteristic of a number of works of Bunin's artistic philosophy, which are concentrated in the journalistic essays «The Damned Days», the story «Village» and the autobiographical novel «Life of Arsenyev». In the article, Bunin's method of analysis is compared with the methods of analysis of his contemporaries – Anton Chekhov, Maxim Gorky and Andrei Platonov with Bunin's analysis: the manner of seeing a particular person is compared with the Chekhov's manner of a benevolent sad observer, confident in the inevitable immutability of what is happening, Gorky's sympathetic empathy for the persecuted, combined with an undisguised hatred of the persecutors, as well as a number of writing tools characteristic of Platonov's realistic phantasmagoria. It is shown that Bunin's manner of philosophical and artistic reflection, still poorly studied, allows the reflecting reader not only to see the characteristic human features usually hidden behind external actions, but also to perceive the writer's assessments and deep philosophical meanings reflected in them.

Bunin's special writing style is not only a product of literary methodology. It is a unique way of perception and analysis of the surrounding world materialized in philosophical and artistic works, characteristic of a rare social type of artist – an aristocrat who valued honor and nobility above all else in Russian literature and disappeared after October, 1917.

Key words: Russia, man, October, philosophy, literature, history, culture.

*Может быть, может быть...
Что мы знаем? Что мы знаем,
что мы понимаем, что мы можем!*
Иван Бунин. Богиня разума

* * *

Большая часть отечественной классической литературы XIX–XX столетий относится к художественной философии. Таковой могут считаться литературные произведения, в которых формулируются и обдумываются первовопросы бытия – о жизни и смерти, о судьбе и свободном выборе, о добре и зле, о любви и ненависти, иные вопросы подобного рода. В художественной философии также важна позиция автора – не содействовать в изложении одному герою, не выступать на одной стороне в ущерб другой, а по возможности сообщать объективно, стараться быть нейтральным; не негодовать, осуждать или приветствовать, а сопереживать, понимать. В соответствии с этой философской позицией, автор изобретает или использует уже имеющиеся в писательской профессии методологические принципы и приемы (Более подробно см.: [Никольский, 2020]).

Однако в том случае, когда философствующий художник обращается к крупному историческому явлению или процессу, в его творчестве наличествует еще одна, возможно, наиболее важная особенность – его базовое, целостное и исходное отношение к действительности. В том случае, когда оно сформулировано, мы можем говорить о нем как об осмысленном основании его мировоззренческой позиции, пусть даже и не представленной в системной конкретности. В этой связи, для Ивана Алексеевича Бунина таковой изначальной позицией было *видение конкретного человека*, обычно скрытого за нагромождением исторических событий и в силу этого не всегда попадающего в фокус зрения художника. У Бунина находим: «„Я как-то физически чувствую людей“, записал однажды про себя Толстой. Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, „пристрастности“. Для большинства даже и до сих пор „народ“, „пролетариат“ только слова, а для меня это всегда – глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге – все естество произносящего ее» [Бунин, 1991, с. 25]. Как и что через

конкретность отдельных людей и их сообщества прозревал Бунин в России накануне и непосредственно после Октября? И как бунинская философия просматривалась через его филологию, на что обратил внимание В. Ходасевич? [Риникер, 2001, с. 626]

* * *

В обращении больших мыслителей к вечным вопросам бытия, к какой бы области человеческого познания они бы не принадлежали, есть много общего. «Человеческая душа, – отмечал С. Н. Булгаков, – нераздельна, и запросы мыслящего духа остаются одни и те же и у ученого, и у философа, и у художника: и тот, и другой, и третий, если они действительно стоят на высоте своих задач, в равной степени и необходимо должны быть мыслящими людьми и каждый своим путем искать ответов на общечеловеческие вопросы, однажды предвечно поставленные и вновь постоянно ставящиеся человеческому духу» [Булгаков, 2002].

Однако у каждого философствующего художника способ видения и вопрошания имеет свои особенности. По этой причине понимание писательских особенностей Ивана Бунина лучше открывается в сравнении; конечно, в сравнении с теми, кого можно полагать равновеликими. И среди таковых значительных философствующих писателей конца XIX – первой трети XX века прежде всего отмечу его современников – А. П. Чехова, А. М. Горького и А. П. Платонова. Думаю, что обозначив присущую каждому из них собственную изначальную позицию философской адресации к миру или, говоря иными словами, присущую каждому личную манеру *философского высказывания о действительности*, можно будет лучше понять то, что Бунин именовал для себя «*видением конкретного человека*». Внутри выделенной группы писателей-мыслителей, конечно, есть и свои, независимые от сравнения с Буниным, смысло-ценностные переплетения.

Литературным и драматургическим высказываниям Чехова присуща, на мой взгляд, философская позиция *благорасположенного печального наблюдателя, уверенного в неотвратимой неизменности происходящего*. Докторское «не навреди» – как наблюдение и редкое, строго ограни-

ченное вмешательство – присутствует во всех чеховских текстах. Нередко оно проявляется в «открытом» финале без авторского заключения о судьбе героев. Думаю, именно это имеет ввиду С. Булгаков, когда отмечает, что Чехову часто доставалось за «беспринципность, т. е. за то, что его литературная деятельность оставалась чужда всякому интеллигентскому «направлению» [Булгаков, 2002]. Само собой, ни к какому «направлению», то есть декларируемому способу влияния на действительность с целью ее коррекции в желаемом для советчика направлении, Чехов прикнудить не мог, поскольку был убежден в невозможности какого-либо целенаправленного внешнего воздействия. Как высказался однажды Лев Толстой: все двери открываются вовнутрь. Так, в «Злоумышленнике» следователь оформляет протокол и, чтобы Денис не мешал ему, он приказывает его увести, а что именно следователь пишет и какова будет судьба отвинчивавшего гайки «злодея», мы не знаем. В «Мужиках» бывшие москвички Ольга и Саша отправляются по деревням нищенствовать, а что будет с ними дальше, нам также не известно. В «Вишневом саде» Раневская, ее родня и друзья разъезжаются, в саду слышен стук топоров, а время, олицетворяемое старым Фирсом, кажется насильственно отставленным (остановленным). И это одновременно, столько же финал, сколько и начало новой, но тоже неизвестной жизни. То есть в каждом случае автор, чуть приоткрыв окно в реальность, не старается выглядеть всезнающим умником, прозревающим дальнейший ход событий, но, более того, означает себя человеком, в возможность прозрения не верящим.

Иная исходная мировоззренческая установка характерна для части прозы А. М. Горького. Как известно, Бунин отзывался о Горьком весьма не лестно. Однако при этом он имел ввиду Горького «революционного романтика», товарища большевиков, автора песней о соколе и буревестнике, романа «Мать». Но есть и Горький, написавший повесть «Трое» и роман «Жизнь Матвея Кожемякина», писавший «Жизнь Клима Самгина». И это совсем другой автор. В «Жизни Матвея Кожемякина», например, его позиция может быть определена как *участливое сопереживание к гонимым и неприкрытая ненависть к гонителям*. В своих героях он ненавидит присущее им зло и, одновременно, страдает вместе с жертвами. А перечень жертв и их страданий внушительен. Это дети, которых нещадно бьют матери и отцы, это женщины, которых истязают другие женщины и мужчи-

ны, это безумец, над которым измывается детвора, это, наконец, собака, которую работники столкнули в творило с негашеной известью и которая горит заживо на потеху палачам.

Вообще о народе Горький высказывается резко. Так, например, в статье «О русском крестьянстве» (1922) трагедию Октября он выводит не из вины самодержавия и последствий зверской войны, а из *природной жестокости российских крестьян*. От этой точки, как полагает П. Басинский, «первый шаг Горького к будущему Сталину с его политикой сплошной коллективизации» [Басинский, 2011, с. 376]. Возможно. Но чтобы быть способным сделать такой шаг, следовало народ сильно презирать, иметь силы отвлеченно-спокойно созерцать его страшную судьбу. Или вот финал пьесы «На дне» с самоубийством Актера, когда Сатин, воспев Человека будущего, закрыл для Актера жизнь сегодняшнюю: в будущем *такие Люди не нужны* [Горький, 1970, с. 182]. Не мысль ли Горького?

Не доживший до самоубийственных политических катаклизмов Чехов мог позволить себе сопереживать и грустить. Заставший истоки большевистского хаоса Горький имел предоставленную жизнью возможность что-то спервоначалу не понять или на что-то понадеяться, какое-то время принимать всерьез большевистские мечтания и даже подыгрывать авторам Октября. Впрочем, по прошествии без малого двадцати лет после октябрьского переворота, разобравшись, «буревестник революции» последовал совету другого сталинского певца – «лучшего социалистического поэта» В. Маяковского:

«Я знаю –
Вас ценит
и власть,
и партия,
Вам дали б все –
от любви
до квартир.
Прозаики
сели
пред Вами
на парте б:

– Учи!
Верти!» [Маяковский, 2011, с. 394]

Характерное для Андрея Платонова, высказанное в его творчестве, писательское суждение – *реалистическая фантазмодория* – еще один тип философского высказывания о действительности [Никольский, 2014], отличного от таковых у Чехова и Горького. К тому же, и сказанное о них не

помогает в понимании исторической ситуации, в которой оказался Андрей Платонов и, более того, было чуждо свойственному ему состоянию ума. Будучи душевно расположенным ко всякому обиженному жизнью человеку и первоначально искренно веря в провозглашаемые большевиками гуманистические цели, вскорости в реальном большевистском творчестве он разочаровался. В одном из его писем жене читаем: «Госка совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось... Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога – всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается» [Платонов, 2013, с. 233].

Мир героев Андрея Платонова – причудливое сочетание реальности и фантазии, причем последняя не является лишь плодом авторского творчества. Платонов открыл «тайну» большевистского действия – постоянное и повсеместное смешение фантазии и фанатизма, что, кстати, подметил и Бунин. Герои, одержимые манией перманентных преобразований, как механизмы с заложенным в них Perpetuum Mobile, с одной стороны, постоянно ожидают распоряжений от где-то существующего Центра (власти), подобно колхозному активисту – герою повести «Котлован», а, с другой стороны, неустанно и активно производят фантазии из своей головы, как инженер Николай Вермо, персонаж «Ювенильного моря». (Подробнее см. главу С. А. Никольского в кн.: [Неретина, Никольский, Порус, 2019]. Каков мир, изображаемый Иваном Буниным и каков художник в этом мире?

* * *

В самом начале автобиографического романа «Жизнь Арсеньева» есть строки, обозначающие основу бытия его автора: «Среди моих предков было, верно, не мало и дурных. Но все же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства» [Бунин, 2000, с. 3]. Именно это свойство автора постоянно ощущаешь, читая Бунина.

Но Бунину была свойственна и особенного рода чуткость («повышенная впечатлительность»). В его самоописании во время пребывания в Одессе находим: «Ходили на Гимназическую. Почти всю дорогу дождь, весенний, прелестный, с чудесным весенним небом среди тучек. А я два раза был близок к обмороку. Надо бросить эти записи. За-

писывая, еще больше растравляю себе сердце» [Бунин, 1991, с. 61].

Этими качествами – аристократическим благородством и тонкостью чувствований Бунин прежде всего и отличался от людей из народа – Горького и Платонова. В противоположность им, наблюдавшим революцию с позиций ее творцов, Бунин видел происходящее и со стороны тех, на кого она была направлена, глубоко им сопереживая, постоянно «примеряя» происходящее на себя. «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, – сколько откроется темного, греховного, несправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку!

Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!» [Бунин, 1991, с. 68] Но отсутствие вопиющего «криминала» не останавливает новую власть. Во-первых, у нее есть надежный инструмент – фантазии. И, во-вторых, невиданный в истории абсолютный аморализм. «В том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущенный крик наивным, дурацким.

И все то же бешенство деятельности, все та же неугасимая энергия, ни на минуту не ослабевающая... Да, конечно, это что-то нечеловеческое. Люди совсем недаром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть» [Бунин, 1991, с. 71–72].

Ничто не останавливает новых хозяев жизни, и Бунин с мудрым пониманием необоримости мутного потока революционного зла, вырвавшейся на свет головной марксистской идеи, реализованной в российской реальности и соединившейся со злобной природой дикого человека, вообразившего себя властителем мира, описывает «новых» людей. «Достоевский говорит: „Дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что все здание рухнет под прокля-

тиями всего человечества, прежде чем будет завершено...» Теперь эти строки кажутся уже слабыми» [Бунин, 1991, с. 71–72]. Здание на крови миллионов было в России построено, но Достоевский ошибся: мир не только не проклял, но всего лишь немного и не на долго отгородился, а чуть позже и вовсе прагматично постарался извлечь для себя выгоду из нового соседства.

Что видит Бунин в человеке, который впадает в революционный произвол и своим действием рождает революцию? Он пристально всматривается даже не в самых худших, а в чем-то вменяемых современников. Вот перед ним крестьяне осенью 1917 года, когда идет агитация за выборы в Учредительное собрание: «Пошли плакаты, митинги, призывы:

– Граждане! Товарищи! Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием, заветной мечтой вашей, державным хозяином земли русской! Все голосуйте за список номер третий!

Мужики, слушавшие эти призывы в городе, говорят дома:

– Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны? Ему, что ли, глаза его накройся? Нет, это новое начальство совсем никуда. В товарищи заманивает, горы золотые обещает, а сам орет, грозит, крест норовит с шеи сорвать. Ну, да постой: кабы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!» [Бунин, 1991, с. 78].

Но ведь это, деревня, – возразит искушенный читатель. А в России есть и города. Как бы предвидя это возражение, бунинский герой отвечает: «...Россия? Да она вся – деревня, на носу заруби себе это! Глянь кругом-то: город это, по-твоему? Стадо кажный вечер по улицам прет – от пыли соседа не видать... А ты – «город!»» [Бунин, 2001, с. 44].

А вот из разговора Бунина со «справным» крестьянином – середняком: «– Да, известно орут, долгами, недоимками пугают. Теперь вот будем учредительную думу собирать, будем, говорят, кандидата выбирать. Мы, есть слух, будем кандрак составлять, будем осуждать, а он будет подписываться. Когда где дорогу провесть, когда войну открыть, он будет у нас должен теперь спроситься. А разве мы знаем, где какая дорога нужна? Я вот богатый человек, а я отроду за Ельцом никогда не был. Мы вот свою дорогу под горой двадцать лет дерьмом завалить не можем: как сойдемся – драка на три дня, потом три ведра

водки слопаем и разойдемся, а буерак так и останется. Опять же и войну открыть против какого другого царя я не могу, я не знаю: а может, он хороший человек? А без нас, говорят, нельзя. Только за что ж за это кинжал в бок вставлять? Это Бог с ним и с жалованием в этой думе!» [Бунин, 1991, с. 78].

Однако эти крестьяне, пусть и недалекие, малограмотные, полу-дикие, все же не лишены человеческого облика. Об этих дикарях-крестьянах двадцать лет назад в рассказе «Мужики» Чехов писал: «... Жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания» [Чехов, 1977, с. 311]. Но не они главная революционная сила. Исстари в России, ясно видит Бунин, огромен низовой плат человеческого отребья. «...Всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были «разбойнички» муромские, брянские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей, несбыточных надежд и свар. Русь классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель, высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолой, сварой, кровавой «неурядицей и нелепицей!» ...В мирное время мы забываем, что мир кишит этими вырожденками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда «державный народ» восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся – начинается вакханалия. Русская вакханалия превзошла все до нее бывшие» [Бунин, 1991, с. 82]. Впрочем, и те, которые первоначально не берутся за дубину, не долго остаются в стороне. «И три четверти народа так: за подачки, за разрешение на разбой, грабеж отдает совесть, душу, Бога...» [Бунин, 1991, с. 65]. Такова картина «революционного подъема», нарисованная Буниным и подтверждаемая многими не лишеными зрения и совести русскими писателями.

В среде литературоведов, возможно, в силу узкого профессионализма и веры в то, что их личностное знание – самое важное в понимании пишущего автора, как правило, нет почтения к знанию исторических реалий. В этой связи, и в отношении Бунина бытует мнение, что ему было присуще «мироощущение человека, изначально

видящего жизнь как катастрофу, мыслящего ее как катастрофу и принадлежащего к обреченному классу» [Быков]. Думаю, это не так. Ни эмиграция в целом, ни Иван Алексеевич, как один из самых достойных среди обретавшихся за границей русских, не видели в трагедиях России эсхатологического конца уже хотя бы потому, что не считали самих себя потерпевшими окончательное поражение от взбунтовавшихся босяков и их большевистских кукловодов. И не смотря на трагедию русского XX века, Бунина не покидала, наверняка, излишне преувеличенная уверенность, что мы, подлинно русские, «живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире» [Бунин, 2000, с. 37]. И ни Ленин, ни Сталин не могли стать и не стали окончательной, катастрофичной точкой в русской судьбе. Смерть обоих Бунин видел, а вера в возрождение Родины не покидала его никогда.

И Бунин, в отличие от стилевых особенностей и философских умозаключений Чехова, Горького и Платонова, выработал свое, на них не похожее, но не менее гениальное философское восприятие мира. «Я шел вниз по Волховской, глядя в темнеющее небо – в небе мучили очертания крыш старых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний. Старый человеческий кров – кто об этом писал? Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно... Я, как сыщик, преследовал то одного, то другого прохожего, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то понять, поймать в нем, войти в него... Писать! Вот о крышах, о калошах, о спинах надо писать, а вовсе не затем, чтобы „бороться с произволом и насилем, защищать угнетенных и обездоленных, давать яркие типы, рисовать широкие картины общест-венности, современности, ее настроений и течений!” Я ускорял шаги, спускался к Орлику. Вечер уже переходил в ночь, газовый фонарь на мосту горел уже ярко, под фонарем гнулся, запустив руки подмышки, по-собачьи глядел на меня, по-собачьи весь дрожал крупной дрожью и деревянно бормотал: „ваше сиятельство!” стоявший прямо на снегу босыми красными лапами золоторотец в одной рваной ситцевой рубашке и коротких розовых подштанниках, с опухшим угреватым

лицом, с мутно-льдыстыми глазками. Я быстро, как вор, хватал и затаивал его в себе, совал ему за это целый гривенник... Ужасна жизнь! Но точно ли „ужасна”? Может, она что-то совершенно другое, чем „ужас”? Вот я на-днях сунул пятак такому же босяку и наивно воскликнул: „Это все-таки ужасно, что вы так живете!” – и нужно было видеть, с какой неожиданной дерзостью, твердостью и злобой на мою глупость хрипло крикнул он мне в ответ: “Ровно ничего ужасного, молодой человек!” – А за мостом, в нижнем этаже большого дома, ослепительно сияла зеркальная витрина колбасной, вся настолько завешанная богатством и разнообразием колбас и окороков, что почти не видна была белая и светлая внутренность самой колбасной, тоже завешенной сверху до низу. „Социальные контрасты!” думал я едко, в пику кому-то, проходя в свете и блеске витрины... На Московской я заходил в извозчицью чайную, сидел в ее говоре, тесноте и парном тепле, смотрел на мясистые, алые лица, на рыжие бороды, на ржавый шелушащийся поднос, на котором стояли передо мной два белых чайника с мокрыми веревочками, привязанными к их крышечкам и ручкам... Наблюдение народного быта? Ошибаетесь – только вот этого подноса, этой мокрой веревочки!» [Бунин, 2000, с. 150–151] Да, глаза, рты, звуки голосов, ювелирно отточенное *видение конкретного человека* без идеологического тезиса, без пропагандистской фразы или просветительского призыва. Прочитаешь им написанное и уже не нужно задумываться о «направлении», «задачах» или «цели». Если, конечно, есть мозги и нет холопской привычки услужить. Такова литературная манера русского писателя Ивана Бунина.

* * *

В том, чем был русский человек и сама России накануне и после Октября, Иван Бунин сумел понять и показать размышляющему читателю своим особым писательским способом, у которого не было и не будет подражателей. Наверное, потому, что этот способ был выработан редким для отечественной литературы социальным типом – аристократом, превыше всего ценившим честь и благодородство.

Библиографический список

1. Басинский П. Страсти по Максиму. Горький: 9 дней после смерти. Москва : АСТ: Астрель, 2011. 414 с.
2. Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель // Чехов: Pro et Contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX в.: Антология. Т. 1. Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. 1072 с. URL:

<http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/chekhov.ssi>
(дата обращения: 05.06.2020)

3. Бунин И. Деревня. Москва : Эксмо, 2001.
4. Бунин И. Жизнь Арсеньева. Москва : Согласие, 2000. 401 с.
5. Бунин И. Окаянные дни. Москва : Издательство «АЗЪ», 1991.
6. Бунин И. А. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Книга первая. Том 110. Москва : ИМЛИ РАН, 2019 г. 1184 с.
7. Быков Д. Иван Бунин. Поэзия в прозе. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063867 (дата обращения: 10.06.2020)
8. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. Т. 7. Москва : Наука, 1970. 687 с.
9. Марулло Т. Г. «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина. Екатеринбург, 2000. 252 с.
10. Маяковский В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1327 с.
11. Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. Москва : Институт философии РАН, 2019. 236 с.
12. Никольский С. А. Живое и мертвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 210–220.
13. Никольский С. А. Художественная философия. О методологии исследования // Философские науки. 2020. № 3. С. 7–41.
14. Петров В. М. «В мире круга земного...» Липецк : Липецкое издательство, 2000. 352 с.
15. Платонов А. «...Я прожил жизнь». Письма 1920–1950 гг. Москва : Астрель, 2013. 685 с.
16. Порус В. Н. Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 19–33.
17. Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина // И. А. Бунин: Pro et Contra. Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 1011 с.
18. Рощин М. Иван Бунин: Князь. Москва : Молодая гвардия, 2000. 330 с.
19. Творчество И. А. и русская литература XIX–XX веков. Белгород : издательство «Белгород», 2000. 200 с.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 9. Москва : Наука, 1977. 541 с.

Reference List

1. Basinskij P. Strasti po Maksimu. Gor'kij: 9 dnei posle smerti = Passions on Mahim: Gorky: 9 days after death. Moskva : AST: Astrel', 2011. 414 s.
2. Bulgakov S. N. Chehov kak myslitel' = Chekhov as a thinker // Chehov: Pro et Contra. Tvorchestvo A. P. Chehova v russkoj mysli konca XIX – nach. XX v.: Antologija. T. 1. Sankt-Peterburg : RHGI, 2002. 1072 s. URL: <http://shhshhshh.prometeus.nsc.ru/contents/books/chekhov.ssi> (data obrashhenija: 05.06.2020)
3. Bunin I. Derevnja = Village. Moskva : Jeksmo, 2001.

4. Bunin I. Zhizn' Arsen'eva = Arsenjev's life. Moskva : Soglasie, 2000. 401 s.

5. Bunin I. Okajannye dni = Accursed days. Moskva : Izdatel'stvo «AZ##», 1991.

6. Bunin I. A. Novye materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo. Kniga pervaja. Tom 110 = Neshh materials and researches. Literature inheritance. Book one. T. 110. Moskva : IMLI RAN, 2019 g. 1184 s.

7. Bykov D. Ivan Bunin. Pojezija v proze = Ivan Bunin. Poetry in prose. URL: http://shhshhshh.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063867 (data obrashhenija: 10.06.2020)

8. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennye proizvedenija: v 25 t. T. 7 = Complete collection of shhorks: artistic shhorks. Moskva : Nauka, 1970. 687 s.

9. Marullo T. G. «Eсли ty vstretish' Buddu...»: Zаметki o proze I. Bunina = «If jou meet Buddha...» Notes on prose of I. Bunin. Ekaterinburg, 2000. 252 s.

10. Majakovskij V. Polnoe sobranie stihotvorenij, poem i p'es v odnom tome = Complete collection of poems and plays in one tome. Moskva : AL'FA-KNIGA, 2011. 1327 s.

11. Neretina S. S., Nikol'skij S. A., Porus V. N. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andreshh Platonov. Moskva : Institut filosofii RAN, 2019. 236 s.

12. Nikol'skij S. A. Zhivoe i mertvov: puteshestvie Andreja Platonova po carstvu smerti = Live and dead: the trip of Andreshh Platonov in the kingdom of death // Voprosy filosofii. 2014. № 9. С. 210–220.

13. Nikol'skij S. A. Hudozhestvennaja filosofija. O metodologii issledovanija = Art philosophy. About methods of research // Filosofskie nauki. 2020. № 3. С. 7–41.

14. Petrov V. M. «V mire kruga zemnogo...» = «In the shhorld of earthe circle». Lipeck : Lipeckoe izdatel'stvo, 2000. 352 s.

15. Platonov A. «...Ja prozhil zhizn'». Pis'ma 1920–1950 gg. = «...I have lived my life». Letters from 1920–1950. Moskva : Astrel', 2013. 685 s.

16. Porus V. N. Bytie i toska: A. P. Chehov i A. P. Platonov = Being and yearning: A. P. Chekhov and A.P. Platonov // Voprosy filosofii. 2014. № 1. С. 19–33.

17. Riniker D. «Okajannye dni» kak chast' tvorcheskogo nasledija I. A. Bunina = Accursed days as a part of creative heritage of I.A. Bunin // I. A. Bunin: Pro et Contra. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001. 1011 s.

18. Roshhin M. Ivan Bunin: Knjaz' = Ivan Bunin: Prince. Moskva : Molodaja gvardija, 2000. 330 s.

19. Tvorchestvo I. A. i russkaja literatura XIX–XX vekov = The creative shhork of I.A. and Russian literature of XIX–XX c. Belgorod : izdatel'stvo «Belgorod», 2000. 200 s.

20. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : V 30 t. T. 9 = Complete collection of shhorks and letters : in 30 t., T. 9 Moskva : Nauka, 1977. 541 s.